

УДК 070:81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код БAK 10.02.19

Е. Н. Басовская
Москва, Россия

Е. N. Basovskaya
Moscow, Russia

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАМЕК
В СОВЕТСКИХ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ
О РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале
«Литературной газеты» 1950—1970-х гг.)**

**POLITICAL HINT
IN THE SOVIET NEWSPAPER ARTICLES
ON THE RUSSIAN LANGUAGE
(on the basis
of the “Literaturnaya Gazeta” 1950—1970)**

Аннотация. Демонстрируется, как недовольство советским строем и требования свободы слова и отмены цензуры на страницах «Литературной газеты» принимали вид чуждой политике дискуссии о языке.

Ключевые слова: политический намек; косвенное высказывание; чистота языка; литературный язык; просторечие; подтекст.

Сведения об авторе: Басовская Евгения Наумовна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа.

Место работы: Российский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 125993, г. Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6.
e-mail: jeni_ba@mail.ru.

Abstract. It is shown how dissatisfaction of the Soviet regime, demands of the freedom of speech and abolition of censorship were transformed in the Literaturnaya Gazeta into discussions of language problems without any reference to politics.

Key words: political hint; indirect utterance; purity of the language; literary language; colloquial language; implied sense.

About the author: Basovskaya Evgenia Naumovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Literary Critic, Faculty of Journalism.

Place of employment: Russian State University for the Humanities.

В течение долгого времени мне не дает покоя соображение, высказанное профессором И. А. Стерниным в отзыве об автореферате моей диссертации. Назвав натяжкой «утверждение о том, что выступления писателей и творческой интеллигенции в защиту культуры речи представляли собой „доступное в условиях жесткой цензуры средство неявного выражения инакомыслия“», И. А. Стернин возражает: «Скорее это просто проявление общекультурной позиции интеллигенции». Замечание глубокоуважаемого коллеги заставило меня вернуться к анализу публикаций «Литературной газеты» советского периода, посвященных так называемой «чистоте языка», и вновь задаться вопросом, содержался ли в некоторых из них политический намек.

Проблема состояния и развития русского языка освещалась «Литературной газетой» с разной степенью интенсивности на протяжении всего ее существования в советский период. С начала 1930-х до второй половины 1950-х гг., в пору становления и расцвета советского тоталитаризма, для газеты были характерны два типа материалов лингвоэкологической направленности. Первый — директивный, отражающий официальную точку зрения. Это могла быть передовая статья или текст, подписанный крупным партийным деятелем, известным писателем или ученым. В публикации обязательно содержались лозунги общего характера (один из самых известных сформулирован М. Горьким: «В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры перед нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитивного хлама» [Литературная газета. 1934. № 16. С. 1]), а также критика явлений, негативно оценивавшихся официальной идеологией, например вульгарной «кулацкой» речи в 1930-х гг. или «космополитической» тяги к заим-

ствованиям в конце 1940-х гг. Второй тип материала о языке — узокритический. В заметках ученых и читательских письмах отражалось неприятие тех или иных конкретных речевых явлений — ошибок в ударении, словоупотреблении, формообразовании и т. д. И в том и в другом случае общая направленность развития русского языка при социализме или не рассматривалась, или оценивалась позитивно. Характерна в этом отношении статья А. А. Караваевой «Животворное слово», напечатанная в 1950 г. По словам автора, при социализме русский язык достиг недостижимых образцов «строгой чистоты, яркой и разящей точности, сжатости, простоты и ясности» [Литературная газета. 1950. № 62. С. 3].

Со второй половины 1950-х гг., в период «оттепели», в посвященных языку материалах «Литературной газеты» обнаруживается новая тенденция. Представители интеллигенции начинают все чаще и решительнее выражать неудовлетворенность состоянием русского языка советской эпохи, обнаруживая не отдельные проблемные точки, а системные сбои в его развитии. В качестве поворотной можно рассматривать статью А. К. Югова «Эпоха и языковой пятачок» [Литературная газета. 1959. № 7—8. С. 2—3]. Писатель не просто выступил в защиту диалектизмов и просторечия, но высказал резкое общее суждение: несмотря на то что страна уже сорок лет строит коммунизм, редакторы по-прежнему мешают литераторам «писать народным языком».

Югова решительно поддержал прозаик Г. Ф. Шолохов-Синявский. В традиционной по форме, насыщенной патетическими лозунгами статье он указал тем не менее, что редакторы настаивают «выхолощенный», «зализанный» язык [Литературная газета. 1959. № 32. С. 3]. Вскоре к голосам предшественников присоединился

В. А. Закруткин [Литературная газета. 1959. № 42. С. 2—3]. По его словам, редакторы «объявили какую-то странную „холодную войну“ литературному русскому языку, который представляется как нечто полностью отрешенное от народа».

Здесь показательно употребление политического газетизма «холодная война», традиционно применявшегося советской прессой для характеристики одной из форм антагонистического противостояния (конфронтации) двух систем — капитализма и социализма [Мокиенко, Никитина 1998: 90]. Метафорически используя столь богатое политическими ассоциациями словосочетание для характеристики взаимоотношений авторов и редакторов в советских издательствах, В. А. Закруткин явно переводит разговор о русском языке в политическую плоскость. Более того, писатель ставит вопрос, который, безусловно, можно, но не обязательно расценивать как риторический: «А кто узаконил борьбу против живого языка?» Для советского читателя ответ был очевиден: все происходившее в стране «узаконила» Коммунистическая партия. Нетрудно было догадаться и о том, кто такие вредоносные «редакторы», ставшие объектом беспощадной критики со стороны Югова, Шолохова-Синявского и Закруткина. Ведь не отдельно взятые литературные редакторы определяли редакционную политику, а партийное руководство.

Еще более дерзкая мысль прочитывалась в рассуждении Б. Н. Тимофеева: «...Хранителем чистоты русского языка выступают не радио, не солидные издания, а живой „простонародный язык“» [Литературная газета. 1960. № 25. С. 3]. Такое противопоставление советских средств массовой информации «простому народу» было в принципе недопустимо. Лишь подчеркнуто неполитическая лингвистическая проблематика оправдывала подобную антитезу.

Следовательно, сделавшиеся столь энергичными в конце 1950-х — начале 1960-х гг. выступления «Литературной газеты» в защиту живого народного русского языка приобрели характер косвенного высказывания, понятного большей части аудитории политического намека.

Понятие «намек» трактуется в данной статье в соответствии с концепцией И. М. Кобозевой, отмечающей такие важнейшие свойства этого явления, как вербальность, интенциональность, косвенность, нетривиальность [Кобозева 2003: 18]. Рассматриваемые высказывания писателей, опубликованные на страницах «Литературной газеты», обладают, как мне представляется, всеми этими качествами. Они имеют форму текстов, т. е. вербальны; являются не спонтанными, а интенциональными — намеренными и обдуманнами (статьи написаны специально для газеты и подготовлены к печати); относятся к числу косвенных актов, но не к разряду тривиальных, таких, как вежливое пожелание в форме вопроса.

Названные И. М. Кобозевой «избыточными» характеристики намека — обоснованность и выводимость — также наличествуют в данном случае. Причина, заставляющая писателей прибегать к косвенным формам высказывания, очевидна — это жесткий идеологический контроль и цензура.

Несмотря на некоторую либерализацию в период «оттепели», в официальной печати СССР не могло содержаться радикальной критики советской действительности, в том числе и общего состояния русского языка при социализме. Тем более невозможно при отсутствии свободы слова открыто пожаловаться на отсутствие свободы слова. Бесспорна и *выводимость* — способность адресата получить имплицитную информацию косвенного высказывания. Десятилетия советской власти приучили читателей быть постоянно настроенными на волну политического иносказания. Этот навык аудитории А. Д. Синявский определил как «чтение сквозь газету» [Синявский 2001: 301].

Таким образом, в «Литературной газете» конца 1950-х — нач. 1960-х гг. возник новый речевой жанр — пространный сетование профессионального писателя на «редакторов», лишаящих его речевой свободы и препятствующих единению с народом.

Далее в обсуждении темы наступил длительный перерыв. Можно предположить, что это было связано со сменой главного редактора: первые решительные высказывания писателей о проблемах развития русского языка появились в «Литературной газете», когда ее возглавлял С. С. Смирнов. Затем должность руководителя недолгое время занимал В. А. Косолапов, а с 1962 г. «Литературную газету» более двадцати пяти лет возглавлял А. Б. Чаковский.

Уже в период его руководства газета вернулась к разговору о «злых силах», стесняющих развитие русского языка. Среди активных участников дискуссии, развернувшейся в 1965 г., вновь был писатель А. К. Югов, который на сей раз откликнулся на выступление академика В. В. Виноградова «Заметки о стилистике современной советской литературы» [Литературная газета. 1965. № 124. С. 2—3]. В статье известного лингвиста Югов упоминался в ряду тех, кто «не всегда достаточно осмотрительно» высказывался в защиту русского языка. Через несколько номеров «Литературная газета» поместила материал А. К. Югова под характерным названием «Океан за решеткой» [Литературная газета. 1965. № 128. С. 3]. Писатель обвинил академика и его единомышленников в намерении «засадить за решетку океан языка».

Более того, Югов уподобил современных защитников «чистоты языка» Сенковскому, Гречу и Каченовскому, а противопоставил их Пушкину и Буслаеву. Эта аналогия имела очевидный политический подтекст. О. И. Сенковский, Н. И. Греч и М. Т. Каченовский имели в официальной советской истории литературы репутацию реакционеров. В частности, в «Краткой литературной энциклопедии» о Сенковском говорилось, что в статьях и рецензиях он «обнаружил консервативность воззрений», о Грече — что после 1825 г. он «стал ярым монархистом и реакционером». Каченовскому не было посвящено отдельной статьи, но в энциклопедии упоминалось, что журнал «Вестник Европы», «редактируемый Каченовским, приобретал все более консервативное направление» [«Вестник Европы»]. А. К. Югов пользовался отработанным приемом советской пропаганды, обвиняя оппонента в реакционности взглядов. Но по

существо с антисоветских позиций выступал сам прозаик, а не подвергшийся его нападкам академик Виноградов. Именно Югов настаивал на необходимости отказаться от «прополочных посягновений» в отношении русского словаря, т. е. прекратить контролировать писательское словоупотребление и запрещать те или иные слова. Это было требование свободы слова, хотя и не в политическом, а в стилистическом значении данного термина. И оно заставляло читателей задуматься о свободе слова при социализме в целом.

Публикация Югова опять, как и за шесть лет до этого, дала старт дискуссии, в рамках которой прозвучало несколько идеологически близких выступлений. Самое яркое из них — статья А. И. Солженицына «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана» [Литературная газета. 1965. № 131. С. 3]. Интересно, что в подцензурной газетной статье даже сторонник и мастер прямого публицистического высказывания Солженицын прибег к приемам, которые следует определить как политический намек. Во-первых, в начале статьи он упомянул о том, что письменная русская речь с петровских времен не раз страдала «от насильственной властной ломки». При желании читатель мог увидеть в этом намек, например, на проведенную большевиками реформу русской графики и орфографии. Во-вторых, по словам Солженицына, «еще не упущено изгнать то, что есть публицистический жаргон, а не русская речь». Еще не поздно выправить склад нашей письменной (авторской!) речи, так чтоб вернуть ей разговорную народную легкость и свободу». Писатель предлагает аудитории «Литературной газеты» такую схему: свобода индивидуально-авторской и народной речи противостоит диктату публицистического жаргона. А ведь жаргон этот льется — о чем в статье, конечно, не упомянуто — со страниц советской партийной печати.

Третий этап обсуждения вопроса о том, кто и зачем мешает свободному развитию русского языка, приходится на начало 1970-х гг., когда в «Литературной газете» открылась рубрика «Язык и время». В защиту языка от неназванных врагов и в этот раз активно выступили писатели почвеннического направления, или те, кого в критике именовали «деревенщиками». Так, В. В. Липатов подчеркнул, что язык страдает от «бюрократически-казенного» стиля, а вождь пролетарской революции зачитывался Далем и одобрял пополнение литературного языка областными словами [Литературная газета. 1971. № 34. С. 5].

Еще решительнее прозвучало выступление С. И. Шуртакова, прямо заявившего, что из газет, радио и телевидения человек черпает не хорошую речь, а непонятные термины и жаргон [Литературная газета. 1971. № 47. С. 7]. Читатель не мог не обнаружить в его статье «Шелуха и янтариное зерно» весьма прозрачного намека на неблагоприятное не только средств массовой информации, засоряющих язык народа, но и советской культуры в целом.

Показательно и то, что оппонент «деревенщиков» поэт Е. М. Винокуров, выступивший в защиту современной газетной речи, указал: «... Хороший

язык ... это не очищенный язык, не дисциплинированный, а язык богатый» [Литературная газета. 1972. № 7. С. 6]. Не соглашаясь с В. В. Липатовым и С. И. Шуртаковым в оценке конкретных речевых фактов, Винокуров присоединился к ним в неприятии внешнего по отношению к языку диктата.

Таким образом, на протяжении почти полутора десятилетий «Литературная газета» не раз обращалась к анализу проблем, порождаемых неправомерным вмешательством неких сил в развитие русского языка при социализме. Не имея возможности открыто говорить о цензуре и других формах идеологического давления на творческого человека в СССР, писатели предельно эмоционально сетовали на «редакторов». Если пользоваться классификацией, предложенной И. М. Кобозевой [Кобозева 2003: 19—20], следует говорить, вероятно, о преобладании в текстах «Литературной газеты» «намека через иносказание». Лишенные права критиковать фальшь и стереотипность советских СМИ, авторы статей осуждали газетный язык. Выступления такого рода представляют собой не что иное, как косвенные высказывания, или одну из форм политического намека, характерного для публичной речи советского периода.

Возвращаясь к замечанию И. А. Стернина, хотелось бы подчеркнуть, что содержание рассмотренных публикаций, безусловно, несводимо к политическому намеку. Нельзя не согласиться с Н. А. Качаловой: «Суть намека как особого коммуникативного приема заключается в том, что именно ... вторичный смысл является подлинной целью... При этом возможность только буквальной интерпретации всегда в той или иной степени сохраняется» [Качалова 2009: 42]. Значительная часть читателей действительно воспринимала рассуждения писателей о богатстве диалектов, выразительности просторечия, усложненности и незастытости газетного и канцелярского стиля и даже о вредной деятельности редакторов «как проявление общекультурной позиции интеллигенции». В этом смысле форма намека выполняла свою важнейшую функцию — маскируя действительный смысл высказывания, делала речь бесконфликтной. Но те, чье мировоззрение допускало критическую оценку советских реалий, обладали сформированной коммуникативной и культурологической компетенцией для обнаружения намека и выведения скрытого смысла [Романова 2006: 152]. Готовность и желание выявлять и расшифровывать намеки были в числе важнейших причин популярности «Литературной газеты» у советской интеллигенции 1960—1970-х гг. Следует согласиться с А. Э. Чаковской, утверждающей, что «„Литературная газета“ была „глотком свежего воздуха“ для читателей, которые находили на ее страницах острую постановку проблем, дискуссионность, представление различных, подчас противоположных, точек зрения» [Чаковская 2008]. Необходимо, однако, добавить: не менее важен для читателя был подтекст, значительно более острый, чем прямое высказывание «Литературной газеты». Подтекст, выявляя который, советский человек не надолго обретал иллюзию свободы слова.

ЛИТЕРАТУРА

«Вестник Европы» // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962. Т. 1. : Аарне — Гаврилов. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke1/ke1-0211.htm>.

Качалова Н. А. Намек как элемент речевого акта и речевого жанра // Известия Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. Вып. 3. С. 40—43.

Кобозева И. М. Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания : науч. докл. по опубликованным трудам, представленный к защите ... д-ра филол. наук. — М., 2003.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб.: Фолио-пресс, 1998.

Романова Н. М. Намек как речевое средство комического. Прагматический аспект // Вестн. Курган. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2006. Вып. 2. № 3 (7). С. 150—152.

Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. — М.: Аграф, 2001.

Чаковская А. Э. Деятельность международного отдела «Литературной газеты» в 1980—1985 гг. // Медиаскоп. 2008. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/73>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов